

НИНА ЩЕРБАК

И ЕЕ ЧУВСТВО СНЕГА

(ФАНТАЗИЯ-ЭКСПРОМТ)

Нина Щербак

**И ее чувство снега
(фантазия-экспромт)**

«Accent Graphics communications»

2018

Щербак Н. Ф.

И ее чувство снега (фантазия-экспромт) / Н. Ф. Щербак —
«Accent Graphics communications», 2018

Повесть «И ее чувство снега (фантазия-экспромт)» – история любви, в которой главная героиня, подобно любой женщине, в чем-то обыкновенной, а в чем-то – уникальной и самобытной, пытается постигнуть законы жизни и правила выживания в разных городах, неустанно полагая, что поможет ей это понять только любовь. Очевидный намек на роман датского писателя, как и на музыкальное произведение Фридриха Шопена, мысленное и реальное перемещение главных героев во времени и в пространстве (из Петербурга в Москву, из Туниса в Лиссабон, из Лондона в Эдинбург, из Праги в Стокгольм), создают ощущение ежеминутного, интенсивного существования, жизни наполненной событиями и эмоциями, в чем-то слом привычных стереотипов, поиск способа выражения полного спектра женской идентичности. Непростые, а, в чем-то, хорошо знакомые, пронзительные и интенсивные взаимоотношения главной героини с Алексеем и Романом, близкими друзьями и не очень близкими знакомыми – основа коллизии и сюжетного хода. Очевидным отличием повести становится богатство литературного языка, от прозрачно-акварельного, с подробными описаниями, до жесткого, обрывочного стиля полунамёков, что создает в тексте множество дополнительных значений и вариантов трактовки. Повесть написана в жанре психологического романа с элементами готической традиции.

© Щербак Н. Ф., 2018

© Accent Graphics
communications, 2018

Содержание

1. Июньские дожди	8
2. Зеркала	15
3. Солнце	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Нина Щербак
И ее чувство снега (фантазия экспромт)

Нина Феликсовна Щербак: кандидат филологических наук (10.02.04 – Германские языки), филолог, прозаик, доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии СПбГУ. Автор повестей и рассказов («Роман с филфаком»: «Звезда», 2010, другие рассказы: «Звезда», 2003; «Русские женщины глазами востока», «Звезда», «Мерцающие сны», «Звезда», № 7, 2016), повести «Зеленые паруса», журнал «Парус», Москва, 2017, повести «Легкое пламя (триллер для двоих)», 2017; книги «Кумиры. Истории великой любви: любовь поэтов Серебряного века» (изд-во «Астрель-Аст»: 2012), книги «Конан Дойл: Шерлок Холмс. Лучшие повести и рассказы (вступительная статья и комментарии, М.: изд-во «Аст»: 2015), «Эрнест Хемингуэй. Праздник, который всегда с тобой. Старик и море» (Аст, 2016), «Роман Сэлинджера «Над пропастью во ржи»: Комментарии. Спб: РИО, 2015, «Сергей Есенин. Как с белых яблонь дым. Лучшие стихи и биография». М.: АСТ, 2017, «Рассекая волны. Из истории британской и американской литературы». Чехов, 2017, «Немного тени на желтом песке», Чехов, 2017; «Феномен чтения и обратимость времени», Чехов, 2018. Составитель более двух десятков поэтических сборников (вступ. статья и комментарии: Александр Блок; Поэты Серебряного века о любви; Лучшие стихи Золотого века о любви; Поэтессы Серебряного века; Марина Цветаева; Анна Ахматова и Марина Цветаева; Владимир Маяковский; Стихи и сонеты о любви, СПб.: изд-во «Астрель-Аст»: 2010-2012); Автор литературной версии киносценария «Танго втроем: В ритме разлуки», М.: т/к «Россия», Изд-во «Астрель», 2009. Автор сценария более 100 телепередач циклов «С-Петербург: Время и Место» (Гос. Премия РФ), «Неизвестный Петергоф» (т/к «Культура»). Живет в С.Петербурге.

1. Июньские дожди

Снег кружится, летает, летает.

И поземкою клубя.

Заметает зима, заметает, все, что было до тебя.

2013, С-Петербург

Это был день воспоминаний, и день этот был каким-то совершенно исключительным, особенным. Настолько особенным он был, этот день, она поняла еще накануне, или много лет назад, только все ждала-ждала, когда же он, наконец, наступит.

Спать совершенно не хотелось, перед глазами, то и дело, вставала картина их замечательной истории, когда вместе отправились десять лет назад на юг, а потом Роман ужасно заболел, и пришлось бегать за лекарствами под дождем, который, в какой-то момент, превратился в настоящий шквалистый ураган, южное, приморское, совершенно настоящее стихийное бедствие. Она пробиралась тогда вперед, по узкой мощеной улице, пытаясь что-то разглядеть за свинцовым дождем, а заодно и противостоять ветру всем корпусом. Ураган, разбушевавшись, обдувал ее всей своей страшной силой, изредка ударяя по лицу летящими и жгучими как льдинки прутиками, маленькими колючками и еще чем-то дряблым и мокрым. Узкая южная речка кое-где уже вышла из берегов, а за следующую ночь должна была, как потом оказалось, затопить половину побережья. Об этом Мила еще не знала, а только спешила вперед, попеременно прячась от дождя под одинокими мокрыми пальмами, в сторону небольшого рынка, недалеко от закрытого санатория, в елях, хвоях, дорожках и скамейках, где по южному пахло смолой и шпалами. Она хотела купить плащ для Романа, чтобы можно было бежать в соседний корпус на обед, и – лекарства, но никак не могла найти ни того, ни другого. Поселок вымирал, готовясь к смерчу. Рынок быстро сворачивали, продавцы испуганно собирали вещи с шатающихся прилавков. Ветер все усиливался, сбивая с пути все, что встречал, опрокидывая чаны, бидоны, ящики из-под фруктов. Стальные остроконечные палки с размаху падали об асфальт, а ветер вновь поднимал со стульев и лежаков маленькие подарочные амфоры из соседней Греции, большие граненые стаканы, расписные тарелки, посуду и утварь, остатки неубранных фруктов, с силой бросая их о каменный бордюр. Предметы, еще недавно привлекательно выставленные на всеобщую радость и обозрение, теперь разбивались о землю в мгновение ока, улетали ввысь, и рассыпались на бесчисленное число осколков.

Роман тогда быстро поправился. За несколько дней, буквально. Уже в первую ночь был шквалистый ураган, а в соседнем поселке, как передали наутро, по радио и телевидению, погибло двести человек. Все затопило. Море разбушевало, прорывая все, что встречало на своем пути. Маленькие холодные южные речки вышли из берегов. На следующий день нельзя было добраться до вокзала. Шоссе вдоль побережья затопило. Радуясь от того, что живы, еще долго потом смеялись и шутили, что вода поднялась так высоко, что машины не могли ехать, стояли как калоши посреди шоссе. Волги, Лады, Москвичи были слегка продырявлены ржавчиной и временем: их затопило, и они просто не смогли двигаться, а иномарки, как пряничные домики, подняло над водой и тихо, бесшумно снесло вниз, почти к самому морю, где они, нетронутые ураганом и водой, спокойно отдыхали в ожидании перепуганных владельцев.

Роман, когда болел, всегда болел как ребенок. Злился, кашлял, был ужасно недоволен всем, что происходило, кричал даже. И по ночам кричал, еще отчетливее и громче, еще наивнее. Разговаривать с ней, впрочем, ни за что не хотел. Только просил иногда, в каком-то непохожем на его обычное состояние отчаянии, как-то ему помочь. Эта странная ранимость и нра-

вилась ей, и раздражала невыносимо. Ночью она встала с кровати, скинула простыню, подошла к окну, потом вернулась, обняла его, приложила губы к его лбу. Так делала всегда ее мама в детстве. Так и она, как все, почти как все, обычно и мерила температуру. Он что-то прошептал, раскинулся, руки раскинул, зашептал что-то. Она замерла, сжалась, прислушалась к его дыханию, села на кровать. Долго так сидела и смотрела на его лицо, такое красивое, точеное. Такое знакомое. Потом стала его чем-то растирать, накладывала на запястье компрессы, гладила спину. Ужасно хотелось погладить его по голове, поцеловать, но она сразу отогнала эти мысли не вовремя, понимая, что у него еще высокая температура, и что чувствует он себя на редкость плохо. Он, как бывало всегда, как будто бы прочел ее мысли, даже ночью, даже во сне, попытался привстать, но не смог, снова провалился в свой мир, немного закашлял, а потом завернулся одеялом и прижался головой к стене.

В тот день, когда она, спустя столько лет после того шквалистого урагана на юге, снова хотела увидеть Романа, с самого утра ветер выл за окном как умалишенный, а болтающаяся по стеклу палка, то и дело ударялась о что-то железное, заставляя Катю попеременно вздрагивать. Потом задрезжал холодильник, как-то совсем по-особому, энергично. День снова казался странным, но должен был превратиться во что-то совершенно исключительное, особое. Она это точно знала.

Еще с утра, на работе, Андрей Васильевич ей все время говорил о чем-то общем и важном. Постоянно говорил. О том, что она обязательно должна сделать в этом месяце, и в этом квартале. Она и сама знала. И помимо этого, было много домашних дел. Оплата квартиры, какие-то там бумаги, и, самое главное, очень важные документы, связанные с дачей, которые нужно было в срок привезти в садоводческое правление, а потом, снова, увезти их домой. Катя радовалась тому, что было столько дел, пытаясь запомнить хотя бы одно.

Потом она ушла домой. Снова позвонили, уже с другой работы, и сказали, что главный эпизод ее встречи с ведущим пишется на видео завтра вечером. Она была этому тоже несказанно рада, и записалась к парикмахеру, чтобы выглядеть немного лучше.

В какой-то момент она вдруг впервые за день посмотрела на часы и ахнула. Было уже три часа дня, а она не сделала совершенно ничего, более того, даже не начинала это что-то делать.

Еще час она быстро перекладывала вещи из одного угла в другой, потом вновь открывала холодильник, что-то там искала, запиховала туда консервные банки и овощи, а потом быстро закрывала его. Обед приготовился быстро, как это было ни странно. А потом она открыла балкон и стала выбрасывать в комнату все те старые вещи, которые накопились там с зимы. Обнаружила там даже старое пальто, которое, похоже, пролежало на этом балконе три года, и только сейчас, выдавшее виды, его выбросила к ней судьба, такое замерзшее, бесформенное, но еще вполне узнаваемое.

Еще через полчаса она бежала, изредка спотыкаясь о неровные булыжники по Невскому проспекту. Куда-то совсем вперед, вдаль, мысленно фиксируя, то слева, то справа разноцветные рекламы магазинов и кафе. Мокрый асфальт, казалось, помогал ей даже не идти, а лететь куда-то вперед, быстро и бесшумно, брызгая по пяткам и лодыжкам непрошенными каплями песка и дождя.

Снова пришла на работу. Вообще, если честно, она очень много работала. Так повелось у нее как-то. Работала, работала. Дом, работа, снова дом. Работала много где. С языками, в основном, то есть переводами подрабатывала, писала-составляла какие-то важные документы на заказ. Потом еще получила юридическое образование, и стала каждый день ходить в юридическую контору, пропадать целый день там. Потом в какой-то момент стала она очень даже профессионалкой большой своего дела... А в тот день...

В тот день она не шла, а бежала на привычную работу, на какой-то там симпозиум очередной, в ужасе пытаясь сообразить, как потом успеет к Роману. Бежала себе в брючном костюме, готовясь предстать перед заказчиком...

– У вас всегда такие выражения, знаете ли, «несказанное», «недосказанное. Почему?» – он смотрел на Милу в упор, пытаясь угадать в ее чертах и отблеск светлого огня и холод вечной мерзлоты, которые обычно приписываются нечистой силе. Однако, обнаружить что-либо аномальное, странное, «не от мира сего» в ее лице сегодня он так и не смог. Или она, наконец, смогла это скрыть.

– Мы вас не судим, не мучим, не обманываем. Повторяю, я вам, еще раз, в который раз. Свой вопрос. Вам есть, что нам сказать, я имею в виду, ну, напоследок?

Теперь он сидел на подоконнике, положив ногу на ногу, и слегка свесившись вниз, весь в черном, в который раз бросал на Милу свой странно-одухотворенный пронзительный взгляд из-под пушистых белесых ресниц. Его голос был слегка размеренным, звучал баритонно-бархатно, тихо, красиво.

– Спросить вас? О чем? – Мила неловко поежилась, на секунду задумалась. Она знала, что на сегодняшней вечер был назначен бал, почти точно «бал у сатаны», она также знала, что была совершенно не в состоянии что-либо спросить, как будто бы мозг отключился сам собой, и уже не мог выдавать ничего благоразумного или хотя бы логичного. Собственные мысли были как будто бы выкрадены, заменены, зачеркнуты, одна за одной.

«Хоть бы обнял меня», – подумала Мила, глядя на своего элегантного собеседника, который, казалось, был здесь вне времени и пространства, не торопился, не медлил, поселился как вечный истукан, врос в этот треклятый подоконник, помахивал невидимым черным крылом ей и окружающим. Окружающих, впрочем, не было видно и о их существовании можно было догадаться только по легкому ветерку, трепавшему ее выгоревшие на солнце волосы и монотонное дыхание кого-то справа.

– М-у-у-у, – хотела вдруг сказать Мила, но не решилась, постеснялась.

– О чем спрашивать-то, – продолжала она с некоторой неловкостью.

– О любви и будущем, естественно, – пробубнил черт себе под нос, полез в карман своего твидового пиджака, достал конфету и стал медленно ее разворачивать прямо перед носом у Милы.

«И так ясно, что будет», – подумала Мила и тоскливо оглянулась на очередной порыв ветра, не видно ли кого-нибудь еще поблизости, и есть ли возможность спасения.

– Первый раз вижу alter ego, которое ничего не спрашивает и не просит, – продолжал черт.

– В каком смысле? – выдала из себя Мила, как будто бы снова опомнилась от мрачной отрешенности сна.

– Ну, как, в каком? – рассуждал вслух незнакомый голос. – Удовольствия там разные. Слава, – он слегка зевнул и снова перекинул ногу за ногу, а потом вдруг приосанился, весь выпрямился.

«Заботливый какой», – лихорадочно думала Мила, пытаясь сконцентрироваться. «Все равно ведь задушит, пристукнет. На балу своем так и сделает. Даже не станцует. Пришьет поленом, кровь выпьет, даже не вспомнит».

– Любви хочу, – выдала из себя Мила неуверенно. – Романа и любви. И сегодня ее и хочу.

– Угу, – слегка оживился черт и заговорил быстрее. – Врешь ты все, не хочешь даже этого.

– Хочу! – Мила привстала, как будто бы почувствовала внутри что-то наподобие огонька, тепла, даже энтузиазма. – Здесь и сейчас хочу!

Она живо почувствовала прилив крови к голове, радужные мысли как будто бы сами врезались ей в мозг, согревая теплом организм, схлопывая и расталкивая таинственные миры бесконечной вселенной внутри.

– Хочу славы, любви и вас, – наконец, выпалила она, на всякий случай прибавив желание «хочу черта», чтобы не обидеть, и, ощущая бурный прилив молодости, вскочила, подпрыгнула и снова села на подоконник.

– А меня-то зачем? – черт округлил глаза как по заказу, прямо выпучил их, даже стал на инопланетянина похож чем-то, правда, на какой-то только момент.

– Меня-то зачем? Мне – триста лет! – продолжал он вразумлять ее уже более спокойным голосом, как-то заботливо и трогательно улыбаясь.

– А хочу вас просто так, за компанию! – Мила оживленно болтала ногой, слегка подпрыгивая на месте.

– Хорошо, – черт, казалось, тоже слегка оживился, и даже повеселел теперь. – уже лучше, что ты хоть чего-то и хоть кого-то хочешь. Только ты обязательно должна. . . .

– Я вам ничего не должна! Кому-кому, а вам совершенно ничего не должна! – отчетливо повторила Мила, вновь ощущая ниоткуда взявшееся тепло внутри, которое теперь было совершенно бесконечным, странно фатальным и еще более удивительным. Теперь она уже внимательно присматривалась к нему, своему странному спутнику, вновь хотела понять, о чем он думает, что его так волнует, почему он так трогательно просил вначале о чем-нибудь его спросить.

Был он немного расстроенным, даже романтично грустным, потом стал задавать все эти вопросы свои глупые, как ей показалось, а потом вдруг как-то повеселел неожиданно, приободрился. Мила вновь и вновь чувствовала совершенный прилив сил, радость, нежность, все одновременно, что вдохнулось ей в душу, буквально за несколько минут.

Ей ужасно захотелось, чтобы он был не просто чертом, а даже вампиром, или кем-нибудь таким еще хуже, из старинной сказки. Она вспомнила, как в редакции ей когда-то долго рассказывали о том, как нужно у сатаны целовать на балу колено, что это не всегда колено, но там рана дикая всегда, глубокая и страшная, а целовать ее все равно нужно, и нужно – долго, и что она, эта рана никогда не заживала и никогда не заживет, если только она, Мила, сама три раза не умрет, не оживет, и не искупает этого чертика странного в крови собственной.

«Проснуться бы скорее на балу», – думала Мила, вновь ощущая уже не тепло, и истомину какою-то, испарину даже, по всему телу.

– Может быть, вы перепутали? Может быть, вы мой ангел-хранитель? – спросила она вдруг незнакомца, ожидая его плавного голоса, а он теперь слегка покачивался в такт дуновению ветра, весь такой очень отрешенный и красивый стоял, жутко романтичный и цельный.

– Вы что-то сильно похорошели за последние пятнадцать минут, – сказала Мила.

Теперь он вдруг замолчал молчал, глядя куда-то вдаль, казалось бы, не замечая ни Милы, ни порывов ветра, ни даже урагана за окном. Не говоря о том, что был давно вечер и совсем стемнело.

– Чертик мой милый, – успела даже не сказать, а подумать Мила, в одни миг ощутив огромные тяжелые крылья за спиной и уже взбираясь на подоконник, стала поддерживать их руками, чтобы не упали.

– 13 этаж, тебе не стыдно, а? – она почти не видела его лица, но точно знала о его присутствии, так же отчетливо, и также – рядом. Он был, вернее казался теперь, еще более сильным, теплым, мускулистым, почти пламенным каким-то.

«Вовсе не дьявол, а, правда, лапонька какой-то дорогой», – успела подумать Мила и уже выпрямилась, как по заказу, вся напряглась в тугую струну.

Она не шагнула, а вдруг вросла в проем между окном и кирпичной стеной, ощутив свежесть ветра, запах реки и моря, аромат южных цветов и далеких стран.

– Го-то-ва! – закричала она громко, и по городу, она точно это знала, эхом побежала вибрация бесконечных звуков, призывков и отражений, непрерывно kloкочущих гортанными свирелями без смысла и повода.

– Стоп! Достаточно! Вылезай! – руководитель проекта указывал ей на часы и она, смутившись, и, наконец, опомнившись, вылезала из кабинки синхронного перевода, куда пол часа назад с таким страхом забралась.

– По закону, не более получаса, – Василий Иванович улыбался, протягивая ей следующий фрагмент текста. – После Антоновой опять пойдешь, слышишь? Докладчик – вон там, в черном, видела?

– Я не видела, а я переводила, – ответила Мила, в который раз удивляясь тому, что во время синхронного перевода, когда сидишь в кабинке, никого не видишь, а только слышишь голос, сознание как будто бы подчиняется другому человеку, полностью и безоговорочно, то есть тому, кому переводишь. Подчиняется даже не другому человеку вовсе, а какому-то потоку энергетическому, который этот человек излучает.

Становишься в общий ряд неведомых смыслов, делаешься этакой звездочкой маленькой, среди миллиона других зеркальных отражений на небе. Как будто бы слепо идешь за ним, этим голосом далеким, поддаешься ему, другому сознанию, полностью отделяя, отрывая от себя звуковую оболочку мысли и смыслов.

Увидеть бы скорее Романа, – подумала Мила, и снова уткнулась в текст.

* * *

Они познакомились, когда она еще не предполагала, как будет жить, что будет делать. Кто же мог знать, будут ли повторяться ее истории, однообразно выбрасывая на новый жизненный виток, или каждый раз она, эта история, будет разворачиваться заново, совершенно новая, и непохожая на предыдущую. Невозможность забыть прошлое было всегда ее неперменной особенностью. Встречая каждого нового человека, она с ужасом отпрыгивала, как будто бы мысленно отдалялась, закрыв глаза, не желая больше испытывать ту неумную, невыносимую боль от каждой новой встречи и быстрого разочарования, которое через какое-то время наступало. Не в человеке, нет, а в быстрой и обязательной смене: вместо внезапного счастья – несчастье внутреннего надрыва.

Она всегда любила. Сильно, безудержно, много, каждого из встреченных ею людей. Сначала сопротивлялась, потом, уже смирившись с этой своей особенностью, просто отдавалась этим каждодневным внутренним спорам и желанием быть другой, или какой-нибудь новой, чтобы было легче, чтобы все протекало по-другому. Напрасные старанья. Каждый раз она вновь понимала, что было это все в который раз – невыносимо, немного – не ее, как будто бы жизнь, которой она жила и проживала, так неумно и так страстно, вовсе и не была жизнью, и тем более ее жизнью, принадлежала кому-то еще, испытывала ее терпение, воспитывая по своему собственному внутреннему закону.

В одной известной книге Мила когда-то прочла, что можно быть, находиться с миллионами людей, но только с одним человеком можно вместе спать, разделять его сон, обняв рукой за голову, засыпать и просыпаться. Роман был именно таким, вот, мужчиной. Как в той книге, про легкость бытия, и про Ницше. Таким, с которым – спят, то есть с которым можно, наконец, заснуть и успокоиться.

У него было еще одно качество, у Романа. Тоже редкое, и тоже – очень странное, ей совершенно незнакомое. Качество, которое она оценила уже много позже, почти за два года до того, как вновь с ним встретилась и пошла в кинотеатр, и поняла (в который раз!), почему так сильно его тогда полюбила. С ним было просто тепло и хорошо. Просто хорошо. И просто тепло. Он источал это неведомое и невидимое тепло, которое так редко встречается у мужчин. Не забирал его, требуя внимания, а сиюминутно отдавал. Своим присутствием, силой своей мысли. Это спокойствие, такое странное и незнакомое, сразу передавалось и ей, и она, в лучах этого небывалого тепла, жила и пыталась постигать разворачивающуюся перед ней жизнь, странную

и вновь – такую незнакомую. Жить и постигать. С ним этого всегда хотелось. И движения, и постижения.

В юности он был очень быстрым, ярким, успешным, ловким. А потом, как ей показалось по той внутренней связи, которая никогда между ними не обрывалась, он стал другим, чуть мягче, спокойнее, значительнее как-то.

Она часто думала, почему именно он был тем человеком, который значил для нее так много. В какой-то момент это казалось загадкой, чем-то странным, не от мира сего объяснением. Он был тем важным человеком, с которым, как ей казалось, все обязательно должно было быть и случиться. Все, что жизнь могла предложить могло и должно было случиться именно с ним. Что именно должно было произойти она, если честно, не знала. Тем более не знала, что шанса «на это все» уже почти не оставалось. И все же, ощущение того, что этот человек был самым важным в ее жизни не покидало ее ни на секунду.

Как-то ночью Мила сидела в аэропорту, долго-долго сидела, в ожидании рейса, все думала о нем. Пыталась представить, что он делал в тот момент. Никакого конкретного времяпрепровождения он не сообщал ей, не называл даже координаты своего внутреннего ритма. Но она четко знала, что он был, в данный момент был. Не говорил с ней, не помнил о ней, но был, и был очень занят чем-то, или, наоборот, отдыхал. Но снова – был, там, и здесь, сейчас, и – с ней. Счастливый и несчастный, со всеми своими трудностями, мыслями, желаниями, как будто бы жизнь специально соединила их для какого-то своего внутреннего резерва и причины. Он все время был где-то рядом. Она никогда мысленно не разговаривала с ним, просто тоже была рядом, таким слабым существом и снова – всегда рядом. Это было еще одно его качество, рядом с ним можно было почувствовать себя – слабой. Совершенно слабой, почти животнослабой: никуда никогда не спешить, а просто находиться – рядом. Почти как собака. И, да, – рядом. Но это была самая добрая на свете собака, которую Мила в себе однозначно принимала и неожиданно для себя вдруг полюбила.

Она тогда поехала с Романом не куда-нибудь, а в Прагу, в ту самую Прагу, где когда-то потом чуть не обручилась с Аликом. Все мечтала – мечтала, что поедет, и – поехала. Их комнатка находилась где-то совсем под крышей, совсем высоко, и совершенно в каком-то невиданном спокойствии и отрешенности они болтали до полуночи, а потом, взявшись за руки отдышали, глядя сквозь окно в потолок прямо на звездное небо. Небо было огромным, высоким, далеким и синим, как и ошарашенно удивленные звезды, которые смотрели на Милу и шептали свои старинные певучие песни...

Она тогда все время спрашивала его про Кундери, не могла отделаться от этой мысли, почему так много подруг было у главного героя, и как эта идея повторения могла укладываться в женской голове. Совсем никак не укладывалась. Он только улыбался загадочной улыбкой и давал понять, что человеку все возможно вытерпеть, и все нужно узнать.

– Но ведь так никогда не будет?

– Конечно, так никогда-никогда не будет!

Он снова вспоминала усталое, изможденное лицо Жульетт Бинош, и ее сны, когда она мечтала стать с ним одним телом, чтобы не беспокоиться больше о том количестве других женщин, которые у Томаша всегда были.

– Ты даже не знаешь, о чем ты говоришь? Зачем тебе эта книга?

– Не знаю, мне больно от нее, – Мила снова закрывала глаза и вокруг плавно качались волны их долгой встречи....

– Знаешь, мне все здесь напоминает эту книгу. Мужчины такие же быстрые, ловкие, куда-то летящие, и добрые-добрые. Такие простые, какие-то. И город – тихий, милый. Миллионы улочек и домов, и так жить и жить....

Роман поворачивал к ней голову и долго-долго смотрела на нее, внимательно изучая каждую черту лица.

– Почему тебя так пугает эта книга? Ведь так давно было? Танки, Чехословакия, эмансипация, революция.... Это все уже прошло...

– А я так и не привыкла, – шептала Мила, – и снова пыталась различить в его спокойных чертах что-то о будущем.

– Скажи! Скажи мне, пожалуйста, а как будет потом?

– А разве кто-то это знает?

Она вновь вставала поздно вечером, когда он спал, выходила на улицу. И гуляла, гуляла, шла по гулким улицам, изредка пытаясь определить и понять, что же с ней происходило....

Потом она спустилась по лестнице куда-то вниз, и оказалось в огромной белой зале, которая была полна покрытых скатертью столами, подсвечниками. Ей стало на мгновение удивительно страшно, от того ощущения сопричастности к чему-то таинственному, которое она ощутила, но она взяла себя в руки, и медленно пошла в комнату на самый верх.

Роман встретил ее у порога и обнял.

2. Зеркала

С-Петербург, 2010

Мужа Алексея, она так любила, как мужчин не любят, конечно. Дико любила. Даже ненормально дико как-то. По утрам просыпалась, когда он шел на работу, делала завтрак, и все не могла отделаться от мысли, что снова не хочет с ним расставаться, даже на несколько часов, как было тогда, когда они только познакомились, давно-давно. Ребенок принес в эту любовь счастье, без всякого сомнения. Безудержно катающийся теперь взад-вперед по квартире по паркету и коврам, и забота о нем, как и нежность, сжимающая горло, были спасительным якорем ее чувств, как и надежным пожирателем всей оставшейся энергии и любовных поползновений. И все-таки сильнее всего она любила его, с той же отрешенностью, безудержностью, с которой вдруг поняла, как важен он в ее жизни, когда они только познакомились.

Было это на корпоративном праздновании Нового Года в большом петербургском ресторане, на Большой Морской улице. Притушили свет, на сцену вслед за выступлением сотрудников вышли странного вида роскошные гейши в разноцветных одеяниях и начали медленно танцевать. Она отвернулась на сцены и вдруг заметила, что рядом сидит очень жизнерадостный мужчина и упорно смотрит прямо на нее.

– Вы танцуете?

Вопрос был столь странным и старомодным, что она даже не обратила внимания на то, что мужчина, по всей вероятности, действительно, приглашал ее танцевать, и слегка удивился, что она вместо ответа продолжала сидеть и молча смотреть на него. Когда они, наконец, вышли на середину зала, она, поняла, что внутри все каким-то странным образом ожило, заныло. Почувствовала этот внезапный прилив чувств, в считанные минуты, как будто бы ощутила живую постепенно растущую рану на сердце. Ей было страшно больше всего от того, что осознание этого внезапно нахлынувшего чувства было слишком быстрым, молниеносным. От него пахло немного более едким одеколоном, чем обычно нравился ей, и, как она подумала почти сразу, запах этот практически ее парализовал, как будто ей ввели шприцем отраву под кожу, помимо ее воли.

Сколько она себя помнила, всегда мучилась, почти сразу после того, как познакомилась с ним. Она была очень эмоциональной, и в этом, ему, конечно, – неровней, потому что все время хотела быть с ним рядом. Скрывала это даже от самой себя, стыдилась. Знала, что не любовь, а просто животная привязанность. Уже давно такой была, сама от этого переживала ужасно, но ничего особенно правильного поделаться с этим не могла. Прирастала сиаемским близнецом к тому, кого любила, и тем самым, сразу отдаляла любого человека на почтительное расстояние, вызывая раздражение, как только он в этом убеждался.

Алексей не мог быть исключением.

Он был улыбочив и добр, и казался теплым настолько, что она, просыпаясь ночью, ловила себя на мысли, что не спит только для того, чтобы представить, о чем они говорили сегодня, как он наклонился к ней и ее поцеловал. Длилось это единение душ, впрочем, совсем недолго. Бессонные ночи, письма, прогулки. Радостное счастье такое короткое почему-то, а на смену ему.... А потом остались только промежутки между встречами и недомолвки, его плохое настроение, его проблемы, снова прохладные встречи, отсутствие его проблем, как и тем для разговора. Поссорились, помирились, поженились, развелись, снова поженились. Прохлада семейной жизни была еще более странной, но заботы поглотили отчаяние, и снова появилась неосознанная надежда. Ей все чаще казалось, что все это происходит не в данное время, а где-то в детстве, как что-то неоформленное, зыбкое. Как будто бы они были просто подружками, которые даже не дружат, а хмуро бродят по улицам, рассказывая друг другу о каждодневных неприятностях, а потом снова разбегаются, каждая по своим углам.

Когда Алексей уходил или потом – уезжал, появлялась эта странная боль внутри, не дающая покоя. Он был неразговорчив и все время о чем-то думал своим, находясь как будто где-то далеко. Это не было таким обидным в момент общения, но становилось совершенно невыносимым, когда его не было рядом. Как будто все внутри нее его помнило и о нем начинало тосковать безудержно. Сознание рисовало невозможность как обиду, а постоянное неудовлетворение давило как каменная плита, пропуская через невидимую мясорубку все внутренности. «Где он сейчас, почему не со мной?»

Мила хорошо знала, что подобные мысли для взрослой женщины были не просто наивны, а глупы, если не сказать, до безумия эгоистичны, и все же именно так ей казалось и чувствовалось, и, собственно, именно эти мысли вертелись у нее в голове круглые сутки. Не могла она к нему привыкнуть, не могла охладеть и жить спокойно. Видела, и снова слезы наворачивались на глаза, как будто каждый раз, рано утром встречала его впервые, видела заново его сильную шею, красивые руки, расправленные плечи, загорелый торс. Как будто бы не проходило то ощущение дрожи при виде человека, которого любишь, которое обычно так сладостно вначале, но которое, по каким-то мировым законам, достаточно быстро проходит, уступая место чему-то фундаментально другому, значительно более спокойному.

Сын был на него похож, словно копия. Когда Мила обнимала его рано утром, склонившись над кроватью, то все внутри танцевало непонятный и страстный танец, каждый мускул оживал, а кровь бурлила во всю, в надежде вырваться наружу. Нежность боролась с чем-то страстным, болезненным. Иногда она даже боялась прижимать сына к груди, казалось, немного сильнее обнимет, и просто задушит его от радости какой-то, ниоткуда пришедшей, и безысходности.

Он уехал в командировку, почти не попрощался. Позавтракал, бросил вещи в чемодан, чмокнул в щеку и поехал на вокзал. Она сделала над собой усилие, чтобы не поехать следом, не собрать детей и не броситься ему вдогонку. Удержалась, правда, легко. Сын проснулся и уже отчаянно требовал внимания. Иначе бы, даже не задумалась, пешком, на машине ли, самолете, догнала бы, не отпустила.

В этот раз на душе было совсем неспокойно. Ночью она переворачивалась с боку на бок, почти не спала. На следующий день проснулась часа в три, снова не могла понять, где находится, как бывало часто последние полгода, как будто бы во сне пыталась до него домчаться, доехать, встретить снова, и все время упускала из виду. Мысли о нем так странно врезались ей в голову, что ни на секунду не оставляли, даже когда заботы и сотни телефонных звонков, казалось бы, должны были как-то отвлечь и отнять силы. Она смутно могла себе представить, что будет дальше, сможет ли она, к примеру, когда-нибудь спокойно чем-то заниматься, жить и просто радоваться. Как будто бы сама себе подписала приговор, и сделать с этим уже совсем ничего не могла. Как будто бы сама заговорила себя на какую-то странную, медленную, никому неведомую и непонятную гибель.

Наутро отвела сына в детский сад и пошла на работу. В юридической конторе помогала вести дела известным и малоизвестным адвокатам. В метро сидела, закрыв глаза, засыпала, пока вдруг кто-то не окликнул ее, склонившись над самым лицом, и нашептывая что-то на ухо. На мгновение испугалась, одернулась. Голубоглазый блондинистый мужчина, высокий и импозантный, буравил ее взглядом, и уже пять минут рассказывал ей об их какой-то важной и памятной встрече три года назад на юге.

Роман!

Она лихорадочно вспоминала, как ездили с ним вдвоем, и как потом уже не вдвоем. Жили всегда все вместе, в одном большом доме. Теперь она кивала в такт его рассказу, слушая и чудом для себя припоминая, как он, действительно, выходил рано утром бриться в общий дворик и разговаривал с ней, заваривал себе чай на общей кухне, а потом снова болтал с ней. Когда поезд подъехал к Невскому проспекту, она подняла голову, посмотрела в его глаза и

вдруг отчетливо поняла, что снова любит его без памяти. Эта мысль, так быстро пришедшая ей в голову, была столь ужасной, что она отпрянула от него, что есть силы, вдавливаясь в спинку сидения. Откуда? Чувства, возникающие в сердце или в душе, всегда вынашивались годами, да и было это давно очень, и были эти самые чувства обусловлены общими притязаниями, ожиданиями, временем. А здесь все произошло как всегда, за три минуты, и спустя эти три минуты она отчетливо понимала, что дороже этого человека у нее никого нет, и не было, как и то, что все это произошедшее ужасно и совершенно невозможно. Он вышел вместе с ней на платформу, как будто бы угадал ее мысли. Оказалось, что он следовал в ту же юридическую контору, что и она, и даже был готов помочь ей сделать какие-то там бумаги и документы, и как-то все это странно совпало, как в странном западном кино. Кровь внутри пульсировала, отдавала в голову, как будто бы все тело сотрясала немыслимая неоткуда пришедшая и нечистая сила.

– От лукавого, – с ужасом повторяла она, – дура ненормальная.

Она снова пыталась подумать об Алексее, и, не находя в себе силы заставить себя это сделать, снова поражалась тому, как быстро это все самое странное – произошло с ней. Алексею она позвонила и он, слава богу, на четвертый звонок, взял трубку. Был занят, что-то быстро проговорил, вернее, прокричал даже, отключив аппарат после разговора практически сразу. Мила набирала его номер еще несколько раз, но все – безуспешно. С трудом дождалась следующего дня, когда должна была снова идти в контору, зная, что встретит его там, и с некоторым ужасом ожидая, что же будет дальше.

Встретила. Удивилась. И тому, как он посмотрел на нее, также странно, непривычно по-доброму, также обворожительно обещающе, как она даже ожидать не могла. А когда посмотрел, ей сразу пришлось опустить глаза, была не в состоянии выдержать его взгляда. Не хватало дыхания, было снова нестерпимо стыдно, не от желания или страха, а от того, что это было, без всякого сомнения, не сиюминутное увлечение, а что-то серьезное и мучительное, и, самое ужасное, что-то так некстати повторяющее все те ощущения, которые она испытывала, когда встретила Алексея впервые, на том странном восточном корпоративном вечере в ожидании Нового Года.

Роман, этот злополучный «первый встречный в метро», и «старый знакомый» поступил к ним на работу, на полную занятость. Когда она узнала об этом, то вышла в коридор, медленно дошла до туалета, стараясь не покачиваться, закрыла лицо, чтобы никто не видел слез. «Как же так?» – вертелось у нее на языке, но она вновь видела перед собой его улыбку, и ей вновь и вновь хотелось только одного: ощутить его присутствие.

Снова звонила в Москву, Алексей снова не подходил, или подходил и говорил очень кратко. Целовала сына, повела его в супермаркет, и целый час поила чаем с пирожными и черствыми булочками в кафе. Пыталась вспомнить, как жила все это время, как ни одной минуты не думала ни о ком кроме Алексея, как мучительно это было, при ощущении полного безучастия и равнодушия. А потом поняла, что ничего не может с собой поделать. Только пытается представить, как обнимает Романа, и уже давно знает, что это самое светлое чувство и давно – смысл жизни, и что он, конечно же, думает все также, и то же самое, и главное, – нуждается в ее заботе. Ощувив прямоту и ужас собственной женственной слабости, ей стало вдруг совсем нестерпимо. Она пыталась отгонять эти странно пришедшие, тяжеловесные мысли, зная, хорошо зная, что только они и приносят ей теперь долгожданное ощущение счастья, и ради них она собственно и просыпается по утрам.

Через пару дней позвонил Алексей, он был в приподнятом настроении, сказал, что все хорошо, попросил не беспокоиться, сообщив, что задерживается еще на десять дней.

Проснулась ночью. Вся горела. Вспомнила, как они впервые поехали вместе отдыхать на юг, и какие были теплые вечера, как пахло кипарисами, и как святились маленькие красные маячки на горе, и как на базаре они купили много винограда и зелени, а потом смеялись,

пили красное вино и не спали все ночь. Ей тогда казалось, что они стали единым целым навсегда. Было невозможно представить себе жизнь вне его, было невозможно себе представить, что этот фейерверк разговоров, чувств, ощущений можно чем-то заменить. Когда они гуляли, она обычно обнимала его за талию, прицеплялась пальцем руки к его поясу, так они и гуляли по аллеям, так и шли, казалось, по жизни. Длилась эта идиллия, правда, совсем недолго, а потом началась обыкновенная жизнь. Вместе и порознь. Жизнь, которая ее давно и совершенно устраивала, собственно благодаря ощущению того, что дороже его нет никого и быть не может, и что так было и будет всегда. В минуту этих воспоминаний и размышлений она вдруг с радостью поняла, что, наконец, забыла все-таки о Романе, и ей больше не хочется представлять себе, как он улыбается и обнимает ее за талию, как она тонет в его объятиях, и засыпает где-то на берегу моря. «Снова? Почему «снова»? Я что-то путаю», – твердила она себе, с ужасом понимая, что окончательно запуталась, и что ей дико хочется любви и полета, как никогда, вернее, как в юности, и что это самое ужасное, что могло приключиться, потому что тогда, в юности это было одно, а теперь она не только не сможет себя уважать, но и жить вообще больше не сможет, и делать ничего не сможет, потому как тогда надежды не будет уже ни на что, если только понять, что в жизни все так страшно и несправедливо.

Если пять лет назад, она иногда мечтала о чем-то новом, неожиданном, хоть на мгновение, тайно от других, и, конечно, от себя, теперь отчетливо осознавала, что изменение чего-либо в этой ее странной и немного грустной жизни, будет полным крахом. А еще она отчетливо осознавала, что отделаться от мысли о Романе она не может все равно, как ни старается, как будто ей в голову ввели электроды, и парализовали волю. А еще было это тепло невероятное внутри и радость, как будто извне на нее проецируемое, ниоткуда снизошло чудо и уже не точила ее, а обжигало.

Утром он встречал ее у ворот офиса. «Чтоб ты провалился!» – вертелось у нее на языке, но, увидев его, она почувствовала такую нежность и странный трепет, что даже не могла уже на него сердиться.

Красивым он не был. Да, не был, конечно. Сильным торсом тоже не обладал, в общем-то. Пронзающие, бьющие вовнутрь токи были столь явными, что она даже глаза закрывала и ежилась вся, только бы никто не видел ее лица, на котором, как ей казалось, все отражалось в первозданном виде.

– Наваждение какое-то, – успела сказать она ему, но он, похоже, не расслышал, или сделал вид, что не расслышал, продолжая ей рассказывать о чем-то своем, о вчерашнем и завтрашнем, работе, доме, ну как обычно.

Начала рассматривать его, сначала исподтишка, потом явно, открыто. Просто сидела на другом конце коридора, сбоку от кофе-аппарата и глядела на него. Он был очень быстрым, и, в отличие от Алексея, ярким каким-то, активным. Как заряжал энергией от одного своего присутствия. Все поймет, вертелось в голове. Все поймет, и будет слушать, и будет все знать обо мне и любить, и просто очень хорошо будет, как раньше. Как когда-то раньше. С этой мыслью она покидала работу каждый день и вставала теперь рано утром, чтобы быстро заварить кашу и одеть сына, о котором теперь думала в самую последнюю очередь.

В какой-то момент ей стало нестерпимо от мысли, что все придется делать заново. Красный цвет рубашки Алексея так шел к его загорелому лицу, а Роман... Роман никогда не носил таких рубашек.

Ей становилось страшно от этих мыслей, неловко. Стыдно снова до такой степени, что было невыносимо оставаться наедине с собой. И все-таки она радовалась, дико радовалась каждый раз, когда видела его, и от этого пронзительного ощущения боли было совершенно некуда деться. Уже собиралась идти к нему, когда позвонил Алексей и сказал, что вернется через полчаса. Встретила его на пороге и обняла. Он как всегда быстро позавтракал и ушел готовить бумаги для предстоящей встречи в офисе.

Самое страшное было впереди. На следующий день, когда Роман встретил ее перед входом в контору с букетом цветом и смеялся от счастья и радости, как ребенок, повторяя, что ждал этой встречи очень давно и всю жизнь. Шутил про любовь, хохотал до упаду, и она шутила и смеялась, тонула в его взглядах и в этой жуткой идеи возможности, о которой всегда мечтаешь, как о последней надежде, но которую вовсе ведь и не ожидаешь никогда. Поймала себя на мысли, что постепенно свыкалась с мыслью, что в ее сознании их теперь будет всегда двое, и от этого сладостного примирения, вновь хотелось жить и надеяться, а отчаяние отходило на задний далекий план, пытаясь спрятаться где-то там, на случайных похоронах на самом дне сердца.

– Только бы он уехал, только бы разлюбил, только бы это все закончилось, – думала она вновь и вновь, отгоняя от себя ощущение его каждодневного присутствия. Но он не уезжал, и разлюбить тоже не собирался.

Потом, впрочем, в один прекрасный день собрал вещи и уехал в другую страну. Узнав об этом, она села на стул и, одну за другой, съела всю коробку конфет черного шоколада, которую он ей подарил накануне, когда они долго шли по Московскому проспекту до близлежащего метро и о чем-то весело болтали, держась за руки. Потом ее вырвало, а потом она с облегчением поняла, что можно и нужно снова идти домой, что слушать ее о ней уже никто никогда не будет, и что можно, наконец, просто жить и думать об Алексее, и ждать, что когда-нибудь, когда-нибудь... Вернее, что он никогда больше ни за что не появится в ее жизни. Через полгода она узнала, благодаря случайно оброненной фразе, что в Москве у Алексея была подруга, и что те ощущения, которые она испытывала, были каким-то общим котлом эмоций, в который они все одновременно погрузились. Эта информация ничего не прибавила и не убавила, было все равно. Память, нет-нет, а все равно лелеет первые минуты неподвластных чувств, которые, к счастью, проходят, уступая место чему-то более важному, сильному, настоящему. А еще она знала, что по какой-то странной причине или аномалии, эти, вот, первые ощущения любви, у нее никогда не стирались, как будто химическая формула, заложенная в голову при первом взгляде на того самого человека, в ее собственной голове так и оставалась неизменной, вопреки всем открытым законам и зарытым воспоминаниям. Она также плакала, когда видела его по утрам, также бешено скучала, когда уезжала, но перестала считать это чем-то особенным, как будто привыкла, что должно и может быть только так. А Романа она тоже очень ждала.

Через полгода Алексей сказал ей, что никакой девушки в Москве тогда у него не было, и что он все специально налгал и придумал.

Он ведь тоже ее очень любил.

3. Солнце

2008, Крым

Мила случайно поехала в Грецию. Не совсем случайно, конечно поехала.

Сидела за столиком белоснежно-красного кафе, украшенного цветами и античными вазами, уже в течение получаса, и внимательно изучала решительное лицо шведа в ярко синей спортивной куртке, который рассказывал ей о смысле жизни, залихватски откидывая волосы назад.

– В Швеции, знаешь ли, все очень непросто теперь, даже, можно сказать, что – сложно, – он смотрел Миле в глаза и смеялся, а потом снова их опускал куда-то в землю, как будто бы искал там что-то важное, удивительное, давно потерянное.

– Правда? – Мила пыталась поддержать никак не начинающийся разговор, лихорадочно соображая, каким будет его исход, и как сделать его, это исход, хоть немного более благоприятным. Было ей неудобно, неловко, от какого-то внутри зародившегося и уже проявившегося в легкой дрожи по всему телу, ощущения, что она не может ни на одну секунду расслабиться, сосредоточиться на чем-то своем. Как будто бы ее жизнь была давно подчинена неведомой силе, которая над ней, над этой жизнью Милиной, теперь властвовала, и которая ее, эту жизнь Милину, куда-то постоянно звала, манила, а может быть, просто нагло и бесцеремонно затаскивала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.